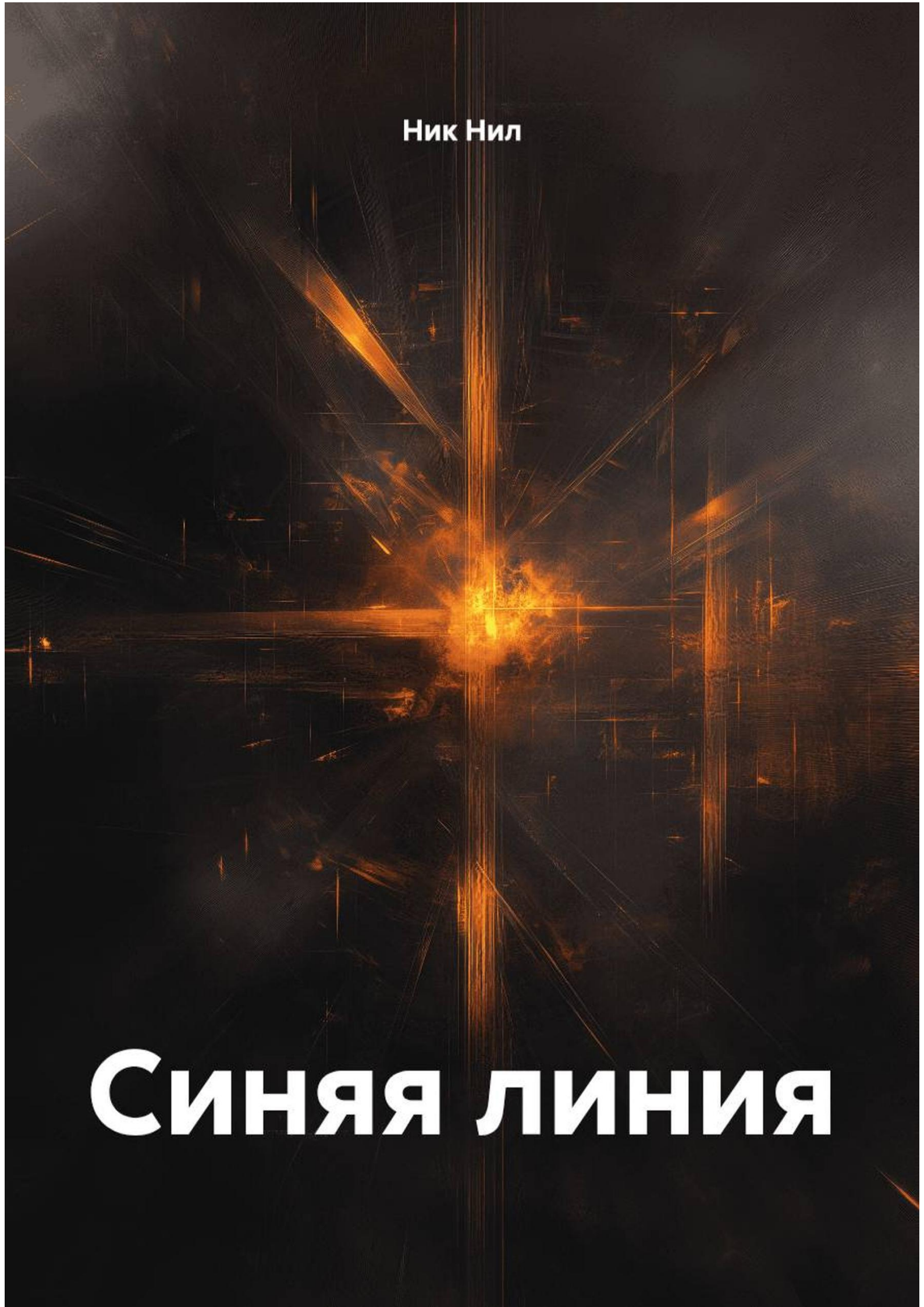

Ник Нил
Синяя линия

Ник Нил

Синяя линия

«Автор»
2026

Нил Н.

Синяя линия / Н. Нил — «Автор», 2026

Алина — талантливый защитник женской хоккейной команды, чья карьера висит на волоске из-за тяжелой травмы. Сафин — избалованный гений, капитан мужской сборной и сын всемогущего олигарха, для которого хоккей — это клетка из чистого золота. Их миры сталкиваются, когда ради спасения команды они заключают фиктивную сделку: брак по расчету в обмен на спасение сезона.Но лед не прощает фальши. То, что начиналось как циничный контракт, превращается в самую жесткую схватку в их жизни. Им предстоит пройти через предательство отцов, потерю контрактов, тяжелые травмы и жизнь в тесной хрущевке, чтобы понять: настоящая победа — это не Кубок Стэнли или Гагарина, а право быть собой. Это история о десяти поколениях одной семьи, где любовь измеряется не словами, а способностью закрыть собой бросок. От студенческого плей-офф в Казани до цифровых арен будущего — «Синяя линия» проведет вас через боль, кровь и код, доказывая, что настоящие династии не заканчиваются.

© Нил Н., 2026
© Автор, 2026

Ник Нил
Синяя линия

Часть 1

Логлайн:

Когда капитан женской хоккейной команды Казанской академии спорта получает тяжелую травму, федерация ставит ультиматум: либо она находит замену на льду, либо команду распускают. Чтобы спасти сезон, ей приходится заключить сделку с главным врагом — капитаном мужской сборной, высокомерным гением хоккея, который соглашается тренировать девчонок только ради того, чтобы насолить своему отцу.

Лед и презрение

Запах хлорки и остывающего пластика — так пахнет поражение.

Алина стояла в пустой раздевалке женской сборной «Барсы», сжимая в руке пластиковый стаканчик с остывшим кофе. На ее правом колене чернел свежий тейп. Завтра утром МРТ. Завтра утром тренер скажет то, что она уже знала по щелчку в суставе во время вчерашнего матча с Нижним Новгородом: передняя крестообразная связка. Сезон окончен.

Но проблема была не в ее колене. Проблема была в том, что без ее очков, перехватов и голоса на льду команда превращалась в стадо испуганных первокурсниц. А через месяц — Универсиада.

— Салимова, — в раздевалку без стука вошел ректор спортивного вуза. За ним маячила тень в идеально сидящем клубном пиджаке. — Ты понимаешь, что подписала контракт?

— Я понимаю, что порвала связку, Марат Эдуардович, — Алина подняла на него сухие, злые глаза.

— Федерация не примет замену из дубля. У нас нет второго центра такого уровня. Если «Барса» не выйдет на лед в полном составе, финансирование на следующий год обнулят. Твою стипендию, кстати, тоже.

Алина стиснула зубы. Она из Махачкалы. Она приехала сюда, в ледяной город, где люди прячут лица в шарфы, только ради этого льда и этой стипендии.

— И что вы предлагаете? Молиться?

Ректор переглянулся с человеком в пиджаке.

— Я предлагаю нанять консультанта. Который будет натаскивать твою дублершу Камиллу. Жить на арене, если потребуется.

Из тени шагнул парень. На вид — ее ровесник, может, чуть старше. Двадцать, от силы двадцать один. Но от него веяло такой ледяной, тяжелой властью, что ректор инстинктивно отступил на шаг.

У парня были плечи, не помещающиеся в дорогой пиджак, и глаза цвета выгоревшей на солнце стали. Сафин Искандеров. Капитан мужской сборной «Барсы», первый номер драфта КХЛ, сын главного спонсора клуба и, по совместительству, личный кошмар Алины.

На прошлой неделе на общей тренировке, когда их поставили в двусторонку, Сафин целенаправленно впечатал ее в борт так, что у Алины потемнело в глазах. Просто потому, что она не ушла с его дороги.

— Я пас, — отрезала Алина. — Он ненавидит женский хоккей.

— Я ненавижу проигрывать, — ровно поправил Сафин. Его голос был низким, с легкой хрипотцой, как у человека, который слишком много орал на льду. — Твоя Камилла — это ходячий проброс. Если я сделаю из нее защитника, способного продержаться на льду хотя бы период, мне спишут академическую задолженность по философии.

— А если ты ее сломаешь?

— Я не ломаю тех, кто платит мне деньги, — Сафин усмехнулся углом губ. — Салимова, у тебя нет выбора. Либо твой клуб исчезает, либо ты пускаешь меня на свою половину площадки.

Тяжелая артиллерия

Мужская раздевалка пахла тестостероном, потом и дорогим парфюмом. Алина чувствовала себя здесь инородным телом.

Сафин швырнул на скамейку свою сумку.

— Начнем с базы, — бросил он Камилле, которая вжалась в угол, боясь поднять глаза. — Стойка. Колени согнуты, вес на середине стопы.

Он подошел к девушке и без предупреждения ударил клюшкой по ее щиткам. Камилла взвизгнула и потеряла равновесие.

— Щитки не затянуты. Лезвия не заточены. Ты вышла на лед умирать, — Сафин даже не повысил голос, и от этого его слова звучали страшнее. — Салимова, переводи. Она по-русски понимает?

— Она понимает, что ты моральный урод, — огрызнулась Алина, выступая вперед. — Отойди от нее.

Сафин повернулся к Алине. В тесном пространстве его фигура казалась огромной. Он нависал над ней, заслоняя тусклый свет ламп.

— Я тренер. На эти два месяца я здесь бог. Если я скажу твоей Камилле прыгнуть под шайбу, она прыгнет. А если ты еще раз откроешь рот без моего разрешения, я попрошу ректора перевести тебя с бюджетного на платное. У твоего отца ведь нет денег на платное, да, девочка из панельной пятиэтажки?

Алина почувствовала, как кровь бросилась в лицо. Он знал. Он знал все ее больные места.

— Ты останешься на льду, — тихо сказала она, глядя ему прямо в стальные глаза. — До тех пор, пока не выучишь, что женская сборная — это не твои игрушечные солдатики.

Сафин замер. На секунду в его взгляде промелькнуло что-то похожее на удивление. Никто не смел с ним так разговаривать.

— Лед покажет, — наконец бросил он. — На лед, Камилла. Двадцать кругов. Без шайбы. Бегом.

Химия вбрасывания

Тренировки превратились в войну. Сафин был жесток, методичен и невыносим. Он заставлял девчонок работать с утяжелителями, гонял их до тошноты и ломал их технику, чтобы выстроить заново.

Но работал он только через Алину.

— Салимова, объясни ей, что клюшка — это продолжение руки, а не дубина, — командовал он, стоя у борта с планшетом.

— Сам объясни, — огрызалась Алина, массируя ноющее колено.

— Я объясняю. Тебе. Ты — мой ретранслятор.

Они оставались на арене до глубокой ночи. Когда мужская команда уходила, Сафин и Алина чертили схемы на запотевшем стекле.

— Почему ты не играешь в нападении? — спросил он однажды, когда они пили дешевый кофе из автомата в фойе. На часах было два ночи. — У тебя видение площадки уровня МХЛ. Ты убиваешь себя в обороне.

— Потому что в нападении мне некому отдавать пас, — Алина пожала плечами. — В нашей команде некому открыться.

— Мне, — просто сказал Сафин. — Если бы ты играла в моей тройке, я бы забивал по дублю за матч.

Алина фыркнула.

— Ты невыносим.

— Я эффективен.

Он подошел ближе. В пустом фойе его шаги звучали слишком громко. Сафин взял ее руку, которой она опиралась на стол, и положил на свою грудную клетку, прямо поверх эмблемы «Барсы».

— Чувствуешь? — спросил он. — Пульс. Сорок ударов в минуту. У хоккеиста в покое сердце должно спать.

Алина чувствовала. Не только пульс. Она чувствовала жар его тела через тонкую ткань олимпийской куртки, запах его геля для душа — что-то хвойное, резкое, мужское — и то, как предательски близко находится его лицо.

— Это нарушение субординации, Искандер, — хрипло сказала она, не убирая руки.

— Это констатация факта, — он наклонился ниже. — Ты ненавидишь меня, потому что я тебе нравлюсь.

— Я ненавижу тебя, потому что ты самовлюбленный кусок льда, — выдохнула она, но не отстранилась.

— Лед скользкий, — прошептал Сафин. — На нем легко упасть.

Он поцеловал ее — быстро, жадно, без разрешения, впечатывая в край пластикового стола. Алина ответила с такой яростью, что у него сбилось это идеальное сердцебиение. Руки запутались в его волосах, колени ослабли.

Они отпрянули друг от друга одновременно, тяжело дыша.

— Это ничего не меняет, — бросил Сафин, поправляя воротник. — Завтра в семь. И скажи Камилле, что кругов будет тридцать.

Синяя линия

За неделю до Универсиады Камилла сломала палец на руке, поймав шайбу. В заявке осталось пятнадцать человек. По регламенту — минимум.

Алина сидела в кабинете врача, глядя на свой снимок МРТ. Связка срослась аномально быстро — спасибо бешеной регенерации профессиональных спортсменов, — но играть ей было нельзя еще месяц. Любой резкий поворот — и инвалидное кресло.

— Салимова, — в кабинет вошел Сафин. Он был в полном игровом облачении, только шлем держал в руке. — Выходи.

— Ты в своем уме? — врач поднял голову от бумаг. — У нее ПКС!

— Я знаю, — Сафин подошел к Алине. — Я буду играть с тобой в одной тройке. Я буду отдавать тебе пас только в крюк. Я буду принимать все удары на себя. Выходи на лед, или мы сдохнем в первом же периоде.

Алина посмотрела на него. На ссадину на его скуле, на сжатые челюсти, на то, как он готов был рискнуть ее здоровьем ради победы.

— Если я упаду, Сафин, — тихо сказала она, — ректор убьет тебя. А твой отец убьет ректора.

— Пусть выстраиваются в очередь, — он протянул ей шлем.

Она вышла на лед под оглушительный свист трибун. Женская сборная «Барсы» против сборной Уральского политеха.

Сафин выиграл стартовое вбрасывание, отыграл шайбу назад. Алина приняла ее на синей линии, ушла от защитника, как от стоячего, и увидела, что Сафин открыт.

Она бросила шайбу ему на крюк. Он в касание переправил ее обратно — точно ей на ход, в отрыв.

Алина влетела в зону соперника. На нее кинулся защитник. Она знала, что не успеет увернуться. Это было против всех инстинктов, против боли в колене, против здравого смысла.

Но Сафин, бросив своего игрока, на всей скорости влетел в защитника. Раздался хруст пластика. Оба рухнули на лед.

Алина осталась одна на пятаке. Она уложила вратаря и отправила шайбу в пустые ворота.

Гудок. 1:0.

Сафин, сидя на льду рядом с оглушенным соперником, посмотрел на нее и медленно, хищно улыбнулся.

Алина подъехала к нему и, вместо того чтобы ругаться, стянула с его головы шлем.

— Ты идиот, — сказала она, задыхаясь.

— Но я твой идиот, — ответил он и поцеловал ее прямо посреди ледового дворца, под рев трибун и вспышки камер.

Сзади на них на полном ходу налетел их собственный вратарь, не успевший затормозить.

Победа была омрачена тремя выбитыми зубами, одним растяжением и двумя неделями отработок в деканате, но это была их победа. И их начало.

***

Примечания автора для развития сюжета:

1. Конфликт отцов: Отец Сафина — владелец строительной империи, который купил сыну место в клубе и пытается контролировать каждый его шаг. Он категорически против его отношений с «нищей» хоккеисткой, считая, что она тянет сына на дно и отвлекает от контракта с НХЛ.

2. Травма как триггер: История Алины не заканчивается на Универсиаде. Ей предстоит принять решение: рискнуть коленом ради профессиональной карьеры в женской сборной или уйти на тренерскую работу, оставшись рядом с Сафиным, который вот-вот уедет за океан.

3. Динамика: Сафин учится эмпатии через заботу об Алине (вынужден возить ее на процедуры, готовить еду, терпеть ее сложный характер), а Алина учится доверять, переставая быть вечным «одиночкой с клюшкой».

Часть 2

Золотая клетка

Универсиада осталась позади. «Барсы» привезли в Казань золото, впервые в истории женского хоккея республики. Девушек носили на руках, ректор бил себя в грудь на пресс-конференциях, а видео того самого поцелуя на льду набрало два миллиона просмотров на спортивных пабликах.

Алина купалась в лучах славы ровно до тех пор, пока не переступила порог кабинета спортивной медицины.

— Крестообразная связка — это не колготки, Салимова, — хирург постучал ручкой по ее снимку. — То, что ты отыграла финал — это чудо биохимии и лошадиная доза блокад. Если ты выйдешь на лед в этом сезоне, колено сложится пополам. Я отстраняю тебя от игр на полгода. Минимум.

— У меня контракт, — прошептала Алина. — Если я не играю, стипендии нет.

— У тебя есть выбор между стипендией и возможностью ходить в сорок лет, — отрезал врач.

Она вышла из больницы в ноябрьскую слякоть. Телефон разрядился еще утром. Денег на такси не было — последние ушли на МРТ. Алина натянула капюшон и пошла пешком через весь город, чувствуя, как правая нога подкашивается на каждом шагу.

Она не заметила, как возле нее остановился черный внедорожник.

— Садись, — стекло опустилось. За рулем сидел Сафин.

Алина проигнорировала его, ускорив шаг.

— Я сказал, садись. У тебя лицо цвета свежего льда, — он вышел из машины, обогнал ее и преградил путь. На нем не было клубного пиджака — только черная худи и спортивные штаны. Без макияжа, со сбитыми в кровь костяшками пальцев (видимо, снова подрался в баре), он выглядел пугающе настоящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.